

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Наёмный
самоубийца, или
Суд над
победителем

Геннадий Логинов

**Наёмный самоубийца,
или Суд над победителем**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Наёмный самоубийца, или Суд над победителем / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856139-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Правда Жизни и Правда Искусства — это, зачастую,
две разные Правды. Но, в то же время, Искусство — тоже является частью
Жизни. Должно ли оно смягчать нравы и облагораживать сердца, уводя мысли
и чаяния человека к светлым идеалам, просвещая и возвышая над кругом
обыденных интересов, или искусство ради искусства, не преследующее каких-
либо конкретных целей, тоже имеет право на жизнь? Давайте поразмыслим.

ISBN 978-5-44-856139-9

© Логинов Г.

© Издательские решения

Наёмный самоубийца, или Суд над победителем

Геннадий Логинов

*В необычных обстоятельствах мы прозреваем необычные истины
Джозеф Шеридан Ле Фаню*

© Геннадий Логинов, 2026

ISBN 978-5-4485-6139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смрад. Холод и смрад. Грязь, холод и смрад. Грязь, холод, смрад, порошащий снег и всепоглощающий туман. В молочном тумане кипит вечерняя жизнь. Раздаются шаги. Скрип колёс. Цокот копыт. Лай собак. Бой городских часов. Отголоски речей, полных брани и праздности. Самое дно. Клоака.

Улицы города заполнены разномастными эмигрантами, бежавшими с насиженных мест в поисках лучшей доли. Здесь им живётся скверно, и сложно представить, что где-то дела обстоят гораздо хуже. Но так оно и есть. И было всегда. Теперь же — они вынуждены селиться друг у друга на головах. Лишь единицы из них имеют какую-то работу, да и те — зарабатывают гроши. Крайняя нищета ввергает их всех в пучину порока.

Многочисленные воры, грабители, нищие бродяги, вконец опустившиеся пьяницы, мошенники, аферисты, серийные убийцы и насильники сделали суровой обыденностью этих мест. Иногда кажется, что проституток теперь стало больше, чем обычных женщин, — слишком многие не видят иной возможности уберечь себя от голодной смерти.

Коренные жители испытывают к иностранцам лишь жгучую ненависть. Их чувства взаимны.

Время от времени проходят шумные демонстрации, хоть как-то привлекающие внимание городских властей. Но, в общем и в целом, власти продолжают смотреть на всё происходящее сквозь пальцы. Впрочем, у них нет не только возможностей, но и желания что-либо менять.

Иногда полиция проводит рейды: суровые констебли избивают подвернувшихся под руку и, отлавливая зачинщиков, устраивают показательные аресты. Подобные меры не приносят эффективности, но лишь подливают масло в огонь народного гнева. Они просто не в силах что-либо изменить. Гниль всегда становится обителью червей, но не черви служат причиной гнили: можно извлечь самых крупных, но и это не повернёт процесс гниения вспять.

Так жить невозможно, но существовать — приходится...

...По талому снегу ступает мужчина. На нём высокий цилиндр и ниспадающий до колен чёрный плащ с пелериной. В руках его тяжёлая трость с потайным трёхгранным стилетом. Взгляд его серых глаз безучастен. Усы короткие и изящно завитые.

Свою сравнительно недолгую жизнь он провёл в высокой белой башне из слоновой кости. До этих самых пор. Но море зловонных нечистот, окружавших башню, поднялось высоко. Неистовые волны ударяли раз за разом, круша стены и раскачивая основание. И было падение той башни страшным.

Теперь же — этот человек вынужден учиться плавать в помоях. Если, конечно, не желает в них захлебнуться. Лишь те, кто привык окунаться в пучину порока так глубоко, что сроднились с нею, чувствуют себя в ней комфортно. Но он — пока ещё не входит в их число и только учится держаться на плаву.

Естественно, помимо него в этом море нашлись и другие утопающие. Некоторые из них сбивались в кучи, взбирались на дрейфующие обломки, подтягивали других и даже пытались бороться со стихией. Или, по крайней мере, уцелеть, пережив нелёгкие времена, и сохранить то немного, что ещё не ушло ко дну.

Но есть и другие, — словно бы парящие на воздушном шаре над зловонной бездной. Они не «против» происходящих в мире перемен. Но и не «за». Происходящее не вселяет в них радости. Но они полагают, что во всём этом есть некий смысл. Высший Замысел или историческая закономерность. Старый мир давно отжил своё и, оказавшись не готовым к новым переменам, должен смыться под натиском свирепых волн, разрушиться до самого основания, чтобы уже на его обломках мог быть заложен фундамент новой формации.

Масштабный кризис всегда сулит масштабные перемены. К лучшему или, чаще, к худшему. А впрочем, это всегда зависит ещё и от того, к какому лагерю принадлежит оценивающий...

...Мужчина в цилиндре проходит площадь бодрым шагом. Мимо него проносится поздний дилижанс. Старый замок снова не выдерживает долгой тряски. Одна из дверей дилижанса распаивается. Человек, до этого мирно сидевший на откидном кресле у этой самой двери, резко вылетает на полном ходу. Его недолгий полёт завершается падением в мокрую грязь.

Ему очень больно. Кажется, он что-то повредил. Подобный случай не единичен, а в последнее время они так и вовсе участились. Раздаются возгласы людей и ржание лошадей. Возница тянет поводья, вынужденно прерывая свой путь. Сходятся зеваки. Им интересно и даже забавно наблюдать за тем, как проливается чья-то кровь, если не их собственная. Кажется, никто и не думает оказывать помощь бедолаге — зато все внимательно смотрят, чтоб было о чём потом потрещаться в пабах и забыть.

Но нет, два, а теперь уже и три лица из общей массы подходят поближе, а один из них даже пытается чем-то облегчить положение пострадавшего.

Человек в цилиндре идёт мимо. Это не его дело. Теоретически ему жаль упавшего, он презирает равнодушную чернь и с известной долей иронии размышляет о современном качестве дорог и дилижансов, оставляющих желать лучшего. Но он — занят. Торопится. У него сейчас другие, более важные дела и интересы. В конце концов, назначена серьёзная встреча, на которую он уже опаздывает и должен поспешить.

Кто-то другой уже помогает, а он не может сделать большего, значит — просто не станет мешать и тратить драгоценное время.

Как-то так...

...Дорога. Улица. Поворот. Тусклый фонарь. Очередная улица. Очередной поворот. Карета. Кони. Пропустить. Продолжить прерванный путь. Неброские вывески. Красные фонари. Шлюхи. Пошли прочь. Какие-то люди смотрят косо. У них такие лица, что можно хоть сразу звать констеблей, не дожидаясь действий с их стороны. Миновать. Быстрее. Не привлекая лишнего внимания. Идти по освещённой стороне. Держаться подальше от тени узких подворотен. Главное — не бродить впотьмах. Тёмные улицы полны воров и убийц.

Седой одинокий бродяга сидит вытянув ноги. Без сомнения, он рискует отморозить себе всё, что только возможно. Но это совершенно никого не волнует. Как не волнует и его самого.

Зеленоватая бутылка. Привычно долгий глоток. Мир не становится лучше: он здесь, он всё тот же, но словно бы сделался каким-то далёким. В такие моменты пьющего всегда окружают чужие проблемы: чужая нищета, чужие раны и синяки, чужой мороз, чужие болезни, чужой страх, чужая боль, чужие слёзы, чужой голод и чья-то бесконечно чужая, впустую растроченная молодость...

Заскулив, к нищему подходит облезлая хромота собака. В её больших тёмных глазах заключена вся вселенская скорбь. Признав в ней собрата по несчастью, мужчина просто и

молча, но вполне искренне предлагает ей выпить. Собака так же молча отказывается и воротит голову, заковыляв дальше.

Разум бродяги упорно силится породить весьма глубокую философскую мысль, но уже не способен чётко её сформулировать. Произнеся бранные слова, он поднимает взгляд в беззвёздное тёмное небо, словно бы в поисках ответа...

Будто о чём-то догадываясь, пьяница вглядывается ввысь и видит лицо человека по ту сторону книги. Какое-то время он смотрит на него прямо в глаза и делает очередной глоток из бутылки, не отводя взгляда. Но вскоре наваждение проходит: списав всё увиденное на выпитое, мужчина отмахивается и, потеряв равновесие, падает набок.

Недолгое время продрогший уличный философ размышляет о том, что если бы он даже завладел в один прекрасный день всеми странами мира и звёздами на небе впридачу, то в поющем серенады желудке всё равно не вместились бы больше пищи, чем дозволено человеческой природой. Вскоре к выпившему человеку приходит безмятежный сон.

Заботливый снег укрывает бродягу холодным белым покрывалом. Морозный саван, последний подарок белолицой девы Зимы. На следующий день забулдыгу, вероятно, так и найдут на этом самом месте — заочневшего, сжимающего в руке бутылку, холодного, как окружающие его камни мостовой...

Но — нет. В этот раз мужчину замечает проходящий мимо констебль. Меньше всего ему хотелось бы обнаружить на своём участке обмороженного бездомного. Впрочем, если бы дело ограничивалось лишь этим, страж порядка просто убрал бы его со своей улицы и бросил замерзнуть в другом месте.

Вместо этого он склоняется и решительно тормозит бедолагу, приводя в чувство. Пьяница открывает глаза, не понимая, где он, кто он и что он. Констебль поднимает его на ноги и, с раздражением читая нравоучительную речь, уводит его прочь от этих мест. В это время лондонские камеры забиты до отвала другими бродягами, и это, конечно же, далеко не приют милосердия. Но, во всяком случае, это и не сулящая смерть улица. Там можно будет проспаться, а потом, если повезёт, даже поесть.

Молодого констебля воротит уже от одного только запаха человека, которого он взялся сопровождать. Ему противно касаться его руками. Но, преодолевая себя, он идёт, ни мгновение не сомневаясь в своём решении.

Меньше всего стражу порядка хотелось бы в этот час находиться на дежурстве. Он думает о тепле домашнего очага. Молодой жене. Старых родителей и малых, но очень шумных детей. Небольшого жалования едва хватает на то, чтобы прокормить семью и обеспечить её всем необходимым.

Служитель закона уверяет себя, что именно по этой причине он закрывает глаза на мелкие правонарушения, взимая за это мзду, заодно концентрируя ограниченное время и силы на действительно важных и серьёзных делах.

Романтика — удел одиноких и свободных от обязательств. Она — не для тех, кому нужно лечить престарелых родителей, поднимать сыновей и собирать приданое для дочерей. Да и вообще, по глубокому убеждению констебля, нравственность людей в немалой степени определяется ещё и тем, как далеко они находятся от принятия серьёзных решений. Но в те моменты, когда он бывает предельно честен перед собою, констебль признаёт, что всё куда прозаичнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.